

Надежда Чародейская

Когда
ты
рядом

Надежда Чародейская

Когда ты рядом

«Автор»

2026

Чародейская Н.

Когда ты рядом / Н. Чародейская — «Автор», 2026

Ася — новенькая в школе и идеальная мишень для травли. За спиной — больница, развод родителей и привычка быть невидимкой. Дан — капитан команды, парень главной стервы, заложник образа, который придумал его жестокий отец. Ночью он снимает маску и становится барабанщиком подпольной рок-группы. Ася слышит его музыку через стену гаража — и начинает рисовать звук, не зная, кому он принадлежит. Одна встреча переворачивает всё. Изгой и звезда, тишина и грохот — двое, которым нечего терять. Вместе с дерзким басистом и летописцем они создают своё племя и бросают вызов школе, родителям и целому миру. Это история о музыке, которая громче страха. О любви, которая видит насквозь. И о том, что, когда ты рядом, — можно выдержать всё. Подростковый роман о роке, буллинге, изгоях и праве быть собой.

© Чародейская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Тишина	5
Глава 1. Децибел	7
Глава 2. Ноль-один	10
Глава 3. Альфа	16
Глава 4. Первая кровь	24
Глава 5. Трещины	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Когда ты рядом

Пролог. Тишина

За четыре месяца до фестиваля.

Тишина в новой квартире была не тишиной, а паузой между двумя криками.

Ася сидела на подоконнике, подобрав колени к груди, и смотрела в тёмный двор. За спиной, в комнате, которую мама назвала «твоим новым началом», громоздились коробки с вещами. Она не стала их разбирать. Незачем. Захочет — разберёт. Не захочет — так и простоят, пока папа не скажет, что это «неаккуратно», а мама не заплачет в ответ.

Третья школа за два года. Третий город. Третий шанс, в который она не верила.

В прошлой школе её звали Молью. Не Ася, не Аська, не «эй, новенькая». Моль. Потому что тихая, потому что серая, потому что прячется по углам. И когда однажды она пришла с рисунками на конкурс, староста Алина сказала: «Моль, твои каракули даже мусорка не примет». И выбросила папку в окно третьего этажа.

Ася собрала листы с асфальта под смех класса. Все шестнадцать. Дома она их разгладила утюгом, но дождь уже превратил акварель в грязные разводы. В тот вечер она впервые подумала, что если бы у неё была кнопка «выключить звук» на всём мире, она бы нажала её не задумываясь.

Минуту спустя она эту кнопку нашла.

Где-то за окном, в глубине двора, за ржавыми гаражами, ударили барабаны.

Сначала — ритм. Чёткий, злой, как пульс загнанного зверя. Потом бас — низкий, вибрирующий, он проходил сквозь бетонные стены и отдавался в груди. Музыка была грязной, сырой, неправильной. Ни мелодии, ни слов — только ритм и ярость.

Ася закрыла глаза.

И увидела цвета.

Барабаны были тёмно-красными, почти чёрными, с прожилками алого, как лава под коркой. Бас — синий, густой, как чернила в воде. Звуки переплетались, сталкивались, и на внутренней стороне век рождался рисунок.

Она сползла с подоконника, нашарила в рюкзаке скетчбук и карандаш. Рука двигалась сама — резкие штрихи, разводы, пятна. Она рисовала не музыкантов. Она рисовала звук. А в центре звука — фигуру. Парня за барабанами. Лица не видно, только силуэт. Но в каждом движении — такая боль, что у Аси перехватило дыхание.

Ты кто? — подумала она. — И почему ты звучишь так, будто тебя ломают изнутри?

Музыка оборвалась. Наступила настоящая тишина — глухая, ватная. Ася посмотрела на рисунок. Парень за барабанами замер в последнем ударе, и ей вдруг захотелось, чтобы он продолжил.

Она не знала его имени. Не знала, сколько ему лет и как он выглядит. Но впервые за долгое время кто-то говорил на её языке.

Не словами. Нотами.

Глава 1. Децибел

Дан.

Барабанные палочки были единственным, что он держал в руках и не боялся сломать.

Дан ненавидел свои руки. Тренер говорил: «Золотые руки, Данила». Отец хлопал по плечу: «Сила есть — ума не надо, но тебе пока хватает». Девчонки в школе шептались: «Смотри, какой размах». А он смотрел на свои ладони и видел не руки, а инструмент. Молоток. Рычаг. То, чем бьют.

Не то, чем создают.

Но здесь, в гараже, всё менялось.

— Темп, Дэн, темп! — Кир стоял напротив, низко повесив бас-гитару, и зло щурился сквозь чёлку, выкрашенную в радикальный розовый. — Ты опять частишь. Расслабь кисти.

— Я расслаблен, — процедил Дан, не прекращая играть. Дробь выходила ломаной, агрессивной, как пулёмётная очередь по железу.

— Ага. Расслаблен, как удав перед броском. — Кир оборвал струны ладонью. Звук замер. — Что случилось?

— Ничего.

— Врёшь.

Дан швырнул палочки на малый барабан. Они отскочили и покатались по бетонному полу. В гараже пахло бензином, пылью и старыми крышками. Стены были завешаны яичными лотками для шумоизоляции. Кир называл это «наша студия». Дан называл это «единственным местом, где я не задыхаюсь».

— Отец, — сказал он коротко. — Что ещё.

Кир понимающе кивнул. Он знал. Знал с того самого дня два года назад, когда притащил Дана в этот гараж и сказал: «Смотри, тут никого нет. Можно орать, бить, что хочешь». Дан тогда впервые сел за старую установку, которую Кир собрал по объявлениям, и сыграл три часа подряд, пока ладони не покрылись волдырями. Он не чувствовал боли. Он чувствовал, как злость вытекает через пальцы и остаётся в пластике и железе.

С тех пор гараж стал их храмом.

— Что на этот раз?

— Проиграли в полуфинале. — Дан стянул футболку, вытер лицо. — Я не забил решающий. Отец сказал, что я позор семьи.

— Классика.

— Он не просто сказал. Он швырнул стул в стену.

Кир помолчал. Потом подошёл, сел на край сцены — двух деревянных поддонов, сколоченных вместе — и закурил.

— Ты ему не скажешь, да? Про группу.

— А ты как думаешь? — Дан горько усмехнулся. — «Сынок, ты будешь барабанить, как девчонка, вместо того чтобы играть за команду?» Я эту пластинку уже слышал. Когда мне было двенадцать, и я попросил гитару.

— Что он сделал?

— Сломал об колено. И сказал, что музыканты — это «недомужики». Что дед его воевал, а я «сопли на струны мотаю».

Кир выдохнул дым в потолок.

— Знаешь, Дэн, у меня отец просто ушёл. Тишина. Ни скандалов, ни стульев в стену. Просто однажды я проснулся, а его нет. И знаешь, что я понял? Тишина иногда хуже крика.

Дан ничего не ответил. Он поднял палочки с пола, покрутил в пальцах. Кир был прав. Но сейчас у него внутри стоял такой ор, что тишина казалась раем.

— Ладно, — сказал он. — Давай ещё раз. Сначала.

Кир затушил сигарету о подошву берца и встал.

— «Зверь»?

— «Зверь».

Кир ударил по струнам. Тяжёлый, вязкий рифф заполнил гараж, отразился от стен, забрался под кожу. Дан закрыл глаза, досчитал до четырёх — и вошёл.

Они играли сорок минут без перерыва. Кир орал текст, срывая голос. Дан лупил по барабанам, чувствуя, как пот течёт по спине, как дрожат руки, как сердце колотится в такт бочке. В эти минуты он был не сыном, не капитаном, не «золотым мальчиком» школы номер семь. Он был звуком.

Ярость, закованная в ритм.

Когда они закончили, оба дышали так, будто пробежали кросс.

— Слушай, — Кир кивнул на стену гаража. — Там опять.

Дан проследил за его взглядом. В дальней стене была тонкая щель между бетонными плитами. Сквозь неё пробивался свет. Там, за стеной, кто-то был. Третий месяц подряд. Тень, которая появлялась, когда они играли, и исчезала, когда музыка замолкала.

— Может, бомж, — предположил Кир.

— Бомжи не сидят тихо по часу, — ответил Дан. — И не приходят каждую репетицию.

— Может, фанатка?

— У нас нет фанаток.

— Вот именно. Может, пора завести?

Дан хмыкнул. Но внутри что-то зацепилось. Кто бы это ни был, он слушал. Он был там, в темноте, за бетонной стеной, и он возвращался. Это было странно. И почему-то важно.

— Пошли по домам, — сказал Дан. — Завтра школа.

— Ага. Лицо сделать попроще. — Кир натянул толстовку с надписью «Я не злой, это лицо такое». — Не дай бог кто-то узнает, что Король Школы играет панк-рок в гараже с главным изгоем.

— Заткнись.

— Молчу. Но ты хотя бы раз в жизни сними корону, Дэн. Может, тогда кто-то увидит тебя настоящего.

Кир ушёл первым, хлопнув железной дверью. Дан остался. Он ещё раз посмотрел на щель в стене. Свет погас. Тень исчезла.

Он подошёл к стене и прижал ладонь к холодному бетону.

— Эй, — сказал он негромко. — Если ты там... Спасибо.

Тишина.

Дан забрал рюкзак и вышел в ночь. Завтра его ждала школа, Лера, команда, отец — вся та жизнь, которую он ненавидел. Но сейчас, в кармане, лежали барабанные палочки. И пока они были там, он мог дышать.

Глава 2. Ноль-один

Ася.

Новая школа пахла хлоркой и дешёвыми мелками для белой доски. Этот запах Ася ненавидела больше всего. В прошлой школе пахло так же. И в позапрошлой. Казалось, все школы страны закупаются в одном и том же магазине безнадёжности.

Она стояла перед центральным входом, сжимая лямку рюкзака так, что побелели костяшки, и считала.

Раз.

Высокое крыльцо. Ступени, вытопанные тысячами ног. На перилах — следы от скейтов и чьи-то наклейки: логотипы групп, черепа, сердечки.

Два.

Стеклянные двери. За ними — холл, залитый безжалостным люминесцентным светом. Фигуры учеников мелькают, как рыбы в аквариуме. Все куда-то спешат. У всех есть цель.

Три.

Ася не спешила. У неё не было цели, кроме одной: пережить этот день.

Четыре.

— Ася, ты меня слышишь вообще? — мамин голос в телефоне дребезжал, как разбитый динамик. Ася прижала трубку плечом к уху, продолжая смотреть на двери. — Я тебе три раза написала. Ты почему не отвечаешь?

— Я отвечаю, мам.

— Ты отвечаешь «ага» и «угу». Это не ответ. Ты помнишь, что у тебя сегодня приём у невролога? Я записала тебя на четыре. Не опаздывай. И возьми справку из школы, что ты была. Для суда нужна справка.

Ася закрыла глаза.

Суд. Слово, которое за последний год стало в их семье самым частым. Чаше, чем «ужин». Чаше, чем «как дела». Родители делили имущество, время и саму Асю, как старый диван, который жалко выбросить.

— Мам, я в новую школу захожу. Можно не сейчас?

— А когда? Когда ты опять запрёшься в комнате и будешь рисовать свои картинки? Ася, это серьёзно. Ты свидетель. От твоих показаний зависит, с кем ты останешься.

С кем я останусь.

Не «с кем ты хочешь». Не «где тебе лучше». А «с кем ты останешься», как вещь, как галочка в описи имущества.

— Я помню, мам. В четыре. Справку. Всё.

— И не вздумай опоздать. Папа говорит, ты специально срываешь его встречи с адвокатом. Ты же не хочешь, чтобы он подумал, что я тебя настраиваю?

Ася стиснула зубы.

— Пока, мам.

Она сбросила вызов до того, как мама успела добавить что-то ещё. Телефон завибрировал мгновенно — сообщение. Папа: «Надеюсь, первый день пройдёт отлично. Помни, ты сильная. И не подписывай ничего без меня». Ася убрала телефон в карман джинсовки и глубоко вдохнула.

Пять.

Она толкнула стеклянную дверь и вошла.

Холл был огромным. Ася ожидала типовую коробку, но школа оказалась новой — с панорамными окнами, дизайнерским освещением и электронным табло, на котором бегущей строкой шли объявления: «Поздравляем команду с выходом в полуфинал!», «Завтрак дня: омлет с овощами», «Фестиваль талантов — заявки до пятницы».

Богатая школа. Или спонсируемая. Ася сразу поняла: здесь у кого-то есть деньги. Много денег. И этот кто-то диктует правила.

Она подошла к расписанию, вглядываясь в список классов. 11-«А». Кабинет 302. Ася повторяла про себя: «Третий этаж, налево, третья дверь. Третий этаж, налево...»

— С дороги, серая.

Плечо обожгло ударом. Ася пошатнулась, рюкзак слетел с плеча, тетради выскользнули на пол. Мимо прошла компания — три девушки, высокие, холёные, в одинаковых брендовых кроссовках. Та, что шла в центре — блондинка с идеально прямыми волосами и бровями вразлёт, — даже не обернулась. Только бросила через плечо:

— Смотреть надо, куда встала.

Ася молча присела, собирая тетради. Сердце колотилось. Руки дрожали. Она знала этот тип. В каждой школе был такой типаж. Королева. Альфа. Та, кто решает, кому здесь жить, а кому — стать Молью.

— Не обращай внимания, — раздался голос сбоку. — Это Лера. У неё аллергия на всех, кто не входит в её инстаграмную ленту.

Ася подняла голову. Рядом стояла девушка в очках с толстой оправой, с копной кудрявых рыжих волос, собранных в небрежный пучок. На ней была футболка с надписью «Я читаю книги и мне плевать» и потёртые джинсы.

— Я Мира, — девушка протянула руку и помогла подняться. — Ты новенькая?

— Ася.

— Ася... — Мира задумалась на секунду, потом просияла: — Как в «Алых парусах»? Ассоль?

— Почти. Анастасия сокращённо.

— Круто. У меня полное имя Мирослава, но это кошмар. Родители хотели, чтобы я «прославляла мир», а я в итоге просто ботаник.

Ася невольно улыбнулась. Впервые за утро. Мира говорила быстро, перескакивая с темы на тему, и в ней чувствовалась та особая энергия человека, которому всё равно, что о нём думают.

— Ты в какой класс? — спросила Мира.

— 11-«А».

— О! Я тоже. Пошли, провожу. Заодно расскажу, кто здесь кто. Чтобы ты не попала как я в первый день.

— А что случилось в твой первый день?

— Я села за парту Леры.

Ася усмехнулась.

— И?

— И она сказала, что я «оккупировала её личное пространство». Мне пришлось пересест. Зато теперь я сижу на галёрке и веду летопись. — Мира понизила голос: — Там есть один парень. Кир. Ты его увидишь — не пугайся. Он выглядит так, будто сбежал с панк-концерта, но на самом деле он просто ненавидит систему.

Ася почувствовала лёгкий укол узнавания. Панк-концерт. Гараж. Ночной ритм, который она слышала сквозь бетонную стену.

— А... — она замялась. — А кроме Кира, есть кто-то... необычный?

— В смысле?

— Ну, не как все. Из тех, кто не вписывается.

Мира задумалась.

— Здесь все либо пытаются быть как Лера, либо прячутся. Но если честно... есть один. Данила. Дан. Капитан команды. Звезда. Все девчонки сохнут. Лера с ним встречается, так что даже не смотри в его сторону — убьёт. Но...

— Что «но»?

— Иногда мне кажется, что он сам себя ненавидит. Знаешь, бывает такое лицо? Улыбается, шутит, всех хлопает по плечу, а глаза мёртвые.

Ася промолчала. Ей вспомнился рисунок, который она сделала ночью. Силуэт за барабанами. Ярость, закованная в ритм. Человек, которого ломают изнутри.

— Ладно, пошли, — Мира потянула её за рукав. — Звонок через две минуты. Классный руководитель — историчка, строгая, но справедливая. Не опаздывай — она запоминает.

Кабинет 302 встретил их гулом голосов. Класс был просторным, с большими окнами и интерактивной доской. Парты стояли в три ряда, и почти все были заняты. Ася вошла следом за Мирой и сразу почувствовала взгляды. Десятки взглядов — оценивающих, любопытных, равнодушных.

— Садись со мной, — шепнула Мира. — На галёрке безопасно.

Она провела Асю на предпоследний ряд, к парте у окна. Ася села, стараясь занимать как можно меньше места, и начала доставать тетради. Пальцы всё ещё подрагивали.

— Не дёргайся, — Мира пихнула её локтем. — Они как акулы. Чуют страх.

— Я не боюсь.

— Врёшь. Но это нормально. Главное — не показывай.

Дверь распахнулась, и в класс вошла Лера. Теперь Ася могла рассмотреть её как следует. Высокая, с осиной талией и безупречной осанкой. Блузка — явно дизайнерская. Часы — тонкие, золотые, взрослые. Она двигалась, как хозяйка. Свита — те две девушки — семенили за ней.

Лера обвела класс взглядом и вдруг остановилась. Её глаза нашли Асю. Задержались на секунду. Оценивающе. Холодно. Потом она перевела взгляд на Миру и усмехнулась:

— Мирослава, ты теперь собираешь бездомных? Это мило.

По классу прокатились смешки. Мира напряглась, но ответила ровно:

— Лера, у тебя помада размазалась. Уголок, слева.

Смех перекинулся на другую сторону. Лера поджала губы и прошла на своё место — первая парта, центр. Свита расселась по бокам.

— Очко в нашу пользу, — шепнула Мира. — Но война только началась.

Ася хотела ответить, но не успела. Дверь открылась снова — и в класс вошёл он.

Дан.

Ася узнала его мгновенно. Не по лицу — его она в гараже не разглядела. По ощущению. По тому, как воздух в классе изменился. Он был высокий, широкоплечий, с коротко стриженными тёмными волосами и челюстью, которая выглядела так, будто он постоянно что-то сжимает. Спортивная форма, небрежно накинута толстовка, рюкзак на одном плече.

Капитан. Звезда. Король.

Он прошёл через класс, и Ася заметила, как Лера подалась ему навстречу — плавно, как кошка. Он наклонился, коротко поцеловал её в щёку (дежурно, без тепла, как ритуал) и сел на соседний ряд, через проход от Леры.

Ася смотрела на него и пыталась совместить две картинки. Этого парня — с идеальной осанкой и ленивой грацией спортсмена — и того, кто ночью лупил по барабанам так, будто хотел разнести гараж в щепки.

Они не совпадали. Совсем.

— Слюни подбери, — шепнула Мира. — Я же сказала: в его сторону смотреть нельзя.

— Я не смотрю. Я анализирую.

— Анализируй тише.

Прозвенел звонок. Вошла учительница — сухая женщина в очках, с пучком седых волос и папкой для бумаг. Класс затих. Она положила папку на стол и обвела взглядом учеников.

— Доброе утро. Сегодня у нас пополнение. — Она кивнула в сторону Аси. — Анастасия Соболева. Перевелась из другого города. Прошу любить и жаловать.

Лера обернулась и посмотрела на Асю в упор. Уголок её губ дрогнул в усмешке.

— Соболева, — повторила она тихо, так, чтобы слышал только её ряд. — Будет забавно.

Дан, в отличие от Леры, не обернулся. Он сидел, глядя в окно, и барабанил пальцами по парте — ритмично, жёстко. Ася знала этот ритм. Она слышала его прошлой ночью.

Ты тоже меня слышал? — подумала она. — Ты знаешь, что я была там?

Но он не смотрел на неё. Он смотрел сквозь стекло, куда-то далеко за школьный двор, туда, где за гаражами пряталась его настоящая жизнь.

Урок начался. Ася открыла тетрадь и записала число. Рука всё ещё дрожала, но теперь — не от страха. От странного, необъяснимого возбуждения.

Здесь было что-то. Что-то, чего не было в других школах. Этот парень, эта музыка, этот гараж за стеной — всё складывалось в уравнение, которого она пока не понимала.

Но она собиралась его решить.

Даже если для этого придётся пройти через ад.

Глава 3. Альфа

Дан.

Утро Дана начиналось с ритуала.

Нет, не с душа и не с завтрака. С того, что он стоял перед зеркалом в прихожей, ровно тридцать секунд, и собирал лицо.

Скулы — расслабить. Челюсть — не сжимать. Взгляд — не стеклянный, но и не слишком живой. Живой выдают глаза. А глаза у него были отцовские — тёмные, тяжёлые, с вечной искрой агрессии. Если давать этой искре волю, люди пугаются. Тренер говорит: «Взгляд победителя». Отец говорит: «Порода». Дан называл это иначе. Проклятие.

Он проверил лицо в последний раз. Нормально. Маска надета. Можно выходить.

Кухня встретила его запахом вчерашних сигарет и пустой чашкой отца. Тот уже уехал на работу — в свой автосервис, где он был царём и богом, а заодно главным тираном для подчинённых. Мать сидела за столом, обхватив ладонями кружку с остывшим чаем, и смотрела в одну точку. Когда Дан вошёл, она вздрогнула.

— Даня. Я тебе яичницу сделала.

— Я не голодный.

— Надо поесть. Ты вчера поздно пришёл.

— Тренировка, — соврал он.

Мать кивнула. Она всегда кивала, когда он врал. Она знала. Знала, что он не на тренировке был, знала, что он прячется в гараже с Киром, знала, что муж срывает на сыне злость. Но говорить об этом вслух в их доме было не принято. Слова здесь имели вес кирпича: скажешь не то — и стена рухнет на голову.

Дан налил себе кофе, выпил стоя, глядя в окно на серый двор. Где-то там, за ржавыми гаражами, до сих пор вибрировал вчерашний ритм. Он всё ещё чувствовал его в ладонях — фантомная пульсация, как после хорошей репетиции.

И ещё он помнил тень за стеной.

— Ты сегодня когда вернёшься? — спросила мать.

— Не знаю. Как получится.

— Отец хотел поговорить с тобой. О матче.

Кофе стал горьким. Дан поставил кружку в раковину — осторожно, чтобы не грохнуть. В этом доме он всё делал осторожно. Ходил, говорил, дышал — так, чтобы не спровоцировать взрыв.

— Я поговорю. Позже.

— Он переживает за тебя. По-своему.

— Ага. По-своему.

Дан поцеловал мать в макушку — она пахла лекарствами и усталостью — и вышел в подъезд. Только там, в полутьме лестничной клетки, он позволил себе закрыть глаза и сделать глубокий вдох.

Ещё один день. Просто ещё один день.

Школа встретила его шумом. Дан вошёл в холл — и маска закрепилась сама собой.

— Данила! — окрик сбоку. Паша, нападающий из команды, хлопнул его по плечу с размаху. — Красавчик! Видел вчера запись? Твой проход на пятой минуте — огонь.

— Проиграли же, — заметил Дан.

— Да плевать. Судья купленный был. Все знают.

Дан не ответил. Он знал, что судья не был куплен. Он сам запорол момент. Завис на секунду, потерял мяч — и всё. Но команде нужен был враг, и судья подходил идеально. Так было проще. Всегда проще обвинить кого-то снаружи, чем признать, что ты облажался.

— Данила! — теперь окликнули с другой стороны. Девушка из параллельного класса, кажется, Вика. — Привет! Ты на фестиваль идёшь?

— Ещё не решил.

— Лера говорит, вы вместе выступаете?

Внутри ёкнуло. Лера. Фестиваль. Выступаем. Он ещё ничего не решал. Он вообще не хотел, чтобы школа лезла в его музыку. Но Лера каким-то образом всегда узнавала всё раньше него.

— Это не решено, — сухо сказал он.

— Ну, Лера сказала — ты будешь вести шоу. Это круто!

Дан сжал зубы. Лера. Опять Лера. Она распоряжалась его жизнью, как собственным гардеробом: это надеть, это сказать, здесь улыбнуться. И он позволял. Потому что так было удобно. Потому что Лера закрывала собой дыру в его образе. Королю нужна королева — иначе какой он король?

— Дань! — лёгкая рука легла на его предплечье. Она появилась из ниоткуда, как всегда: безупречная, пахнущая чем-то дорогим и цветочным, с улыбкой, отрепетированной перед зеркалом. Лера заглянула ему в глаза и мягко потянула на себя, отесняя Вику. — Привет, милый.

— Привет.

— Ты плохо спал? У тебя круги под глазами.

— Нормально спал.

— Я тебе писала в час ночи, а ты не ответил.

— Я спал, — повторил он, хотя на самом деле в час ночи он лупил по барабанам до кровавых мозолей.

Лера чуть нахмурилась — на секунду, не дольше. Потом улыбка вернулась.

— Ладно. У меня новость. Папа договорился с директором. Нам дают большой зал для фестиваля. Я сказала, что ты хочешь что-то сделать. Музыкальное. Директор в восторге. Говорит, это поднимет престиж школы. Я сказала...

— Лера, — перебил он. — Я не просил.

Она замерла. В глазах — молния. На секунду Дан увидел настоящую Леру: хищницу, которая не терпит, когда добыча огрызается.

— Ты не просил, — медленно повторила она. — Но ты же хочешь выступить? Ты мне сам говорил, что музыка для тебя важна. Я помогаю. Или ты против?

Я говорил, что музыка важна. Я не говорил, что хочу делать это с тобой.

Но вслух он сказал другое:

— Я просто хочу сам разобраться с программой. Ладно?

Лера помолчала. Потом улыбнулась — тепло, почти нежно. И Дану стало тошно, потому что он знал: за этой улыбкой — расчёт.

— Конечно, милый. Разбирайся. Но если что — я рядом.

Она поцеловала его в щёку и уплыла по коридору. Свита подтянулась мгновенно — две безымянные подружки, которых Дан называл про себя «Тень-один» и «Тень-два». Они всегда двигались синхронно, как рыбы-прилипалы.

Дан выдохнул и пошёл к лестнице. До звонка оставалось пять минут. Нужно было занять своё место в классе, надеть маску прилежного ученика, отвечать на вопросы, улыбаться, кивать. Обычный день. Обычная жизнь.

На лестнице его догнал знакомый силуэт.

— Привет, звезда, — Кир возник сбоку, как всегда бесшумно. Сегодня он был в косухе с нашивками и с новой серёжкой в брови. — Как спалось на облачке славы?

— Иди ты.

— Не могу. У меня имидж — я всегда иду против течения. — Кир пристроился рядом, шагая через ступеньку. — Слушай, я тут подумал насчёт текста для «Зверя». Третий куплет провисает. Слишком сопливо. Надо жёстче.

— Я думал, третий куплет — твоя часть.

— Моя. Но я застрял. Может, вместе допишем?

Дан кивнул. Они поднялись на третий этаж, и тут Кир вдруг остановился.

— О, глянь. Это та самая.

— Кто?

— Тень за стеной.

Дан проследил за его взглядом. У кабинета 302 стояла девушка. Невысокая, в чёрном оверсайзе, с рюкзаком, который явно был ей велик. Волосы тёмные, длинные, закрывали поллица. Она стояла, прижавшись к подоконнику, и листала что-то в телефоне, но было видно, что она не читает — просто прячется за экраном.

— С чего ты взял?

— Интуиция, — Кир прищурился. — Она новенькая. Я вчера её видел у гаражей.

— У гаражей?

— Ага. Шла оттуда поздно вечером. Я ещё подумал: какого лешего здесь делает девчонка в одиннадцать ночи? А теперь смотри — она в нашей школе. Совпадение? Не думаю.

Дан взгляделся в девушку. Она подняла голову, и на секунду их взгляды встретились. У неё были странные глаза — светлые, почти прозрачные, как выцветшая акварель. И в этих глазах было что-то, что заставило Дана замереть на полсекунды дольше, чем следовало.

Узнавание.

Она смотрела на него так, будто знала. Будто видела его настоящего — там, в гараже, без маски, без короны, без Леры.

Потом она опустила глаза, и момент прошёл.

— Новенькая, — повторил Кир. — Мишень для Леры. Ставлю сотку: до конца недели она её сожрёт.

— Зачем ты так? Ты её даже не знаешь.

— А зачем мне её знать? Школа — это экосистема. Крупные хищники жрут мелких. Я, как старый шакал, наблюдаю со стороны и пишу тексты. Кстати, если Лера начнёт на неё охоту, может, выйдет неплохой трек. «Тишина перед криком» — представляешь?

Дан не ответил. Он смотрел, как новенькая заходит в кабинет — тихо, стараясь занимать как можно меньше места. В ней было что-то, чего он не мог объяснить. Может, дело в том, как она двигалась — осторожно, как человек, который привык ждать удара. А может, в том, что она слушала его музыку три месяца подряд и ни разу не попыталась подойти.

Кир тронул его за плечо:

— Эй. Звонок. Пошли.

— Иду.

Они вошли в класс. Дан занял своё место, чувствуя спиной взгляд новенькой. Он не оборачивался. Он смотрел в окно — туда, где за школьным двором прятались гаражи.

Если ты меня слышала, — подумал он, — ты знаешь то, чего не знает никто.

И эта мысль пугала его больше, чем все угрозы отца.

Урок истории тянулся бесконечно. Историчка — Мария Сергеевна — бубнила про реформы Столыпина, и Дан механически записывал даты, не вникая в смысл. Голова была занята другим.

Он думал о фестивале. Лера уже вписала его в программу без спроса. Значит, назад дороги нет. Если он откажется — она разозлится, а злая Лера была страшнее отца. Она умела бить словами — так, что шрамы оставались надолго. В прошлом году она рассорила двух подруг только потому, что одна из них надела «неправильное» платье на вечеринку.

С другой стороны — выступить на школьном фестивале значило раскрыться. Показать всем, что он не просто капитан команды, не просто парень Леры. Что у него есть что-то своё. Музыка. Группа. Кир.

Отец узнает.

При этой мысли внутри всё сжалось. Дан представил его лицо, когда кто-нибудь из «доброжелателей» пришлёт видео. «Мой сын — рок-звезда? Позор. Недомужик». И следом — вечер, крик, летящая в стену посуда, и мать, которая будет сидеть на кухне и делать вид, что ничего не слышит.

— Соболева, к доске.

Голос учительницы вырвал его из раздумий. Соболева? А, новенькая.

Ася. Так её звали.

Она поднялась с задней парты и пошла к доске — медленно, словно каждый шаг давался с трудом. Дан заметил, как она сжимает ручку — точь-в-точь как он сам сжимал барабанные палочки. У неё дрожали пальцы.

— Расскажите нам о причинах революции 1905 года, — велела историчка.

Ася встала у доски. Класс затих. Не потому что всем было интересно про революцию — потому что все смотрели на новенькую, как на зверька в зоопарке. Лера повернулась впол-оборота, и на её губах заиграла та самая улыбка, которую Дан хорошо знал. Улыбка хищницы перед броском.

— Причины революции... — начала Ася. Голос у неё был тихий, но ровный. — К началу двадцатого века в России накопился комплекс социально-экономических противоречий. Прежде всего — аграрный вопрос. Крестьяне страдали от малоземелья...

Она говорила чётко, по делу, и Дан невольно заслушался. Новенькая явно знала материал. Но Лере было плевать на материал.

— Соболева, — перебила она, не поднимая руки, — а скажи-ка, это правда, что ты из интерната?

В классе повисла тишина. Дан увидел, как Ася замерла. Ручка в её пальцах дрогнула.

— Лера, — одёрнула историчка, — мы на уроке. Хочешь спросить — подними руку.

— Я просто уточняю, — Лера пожала плечами. — А то девочки говорят, у неё справка какая-то. Невролог, психиатр... Интересно, это не заразно?

По классу прокатился смех. Дан смотрел на Асю. Она стояла у доски, прямая, как струна, но он видел, как побелели её костяшки, как напряглась шея. Он видел это сотни раз — на тренировках, когда новичков травили за ошибки. Видел в зеркале, когда отец замахивался.

И тут Ася сделала то, чего он не ожидал.

Она медленно повернулась к Лере, посмотрела ей прямо в глаза и сказала — тихо, но отчётливо, так, что слышал весь класс:

— Лера, а скажи-ка, это правда, что твой папа купил тебе титул «Мисс школы» за спонсорский взнос?

Тишина стала звенящей.

Лицо Леры вытянулось. На секунду она потеряла контроль — рот приоткрылся, в глазах вспыхнула ярость. Свита замерла. Кто-то ахнул. Кто-то прыснул.

— Что ты сказала? — голос Леры стал на полтона выше.

— Я просто уточняю, — ответила Ася тем же тоном. — А то девочки говорят.

Класс взорвался. Кто-то засмеялся в голос, кто-то застучал по парте. Историчка застучала указкой:

— Тихо! Тихо! Лера, Соболева — обе к директору после урока!

Лера развернулась на стуле, и Дан увидел её лицо — белое от гнева, с красными пятнами на скулах. Такой он её не видел никогда. Её публично унизили. И сделала это новенькая. Серая. Тихая. Моль, которая вдруг показала зубы.

Ася вернулась на место. Мира — та самая рыжая — пихнула её локтем и что-то зашептала восхищённо. Но Дан смотрел не на Миру. Он смотрел на Асю. Она села, опустила голову, и на секунду из-под чёлки блеснули глаза — не серые, не прозрачные, а стальные.

Ты не Моль, — подумал Дан. — Ты кто-то другой.

И впервые за долгое время ему захотелось узнать кого-то поближе.

После урока Лера вылетела из класса первой, даже не взглянув на Дана. Свита порскнула за ней. Ася осталась сидеть, собирая вещи. Мира что-то говорила ей, активно жестикулируя, но Ася только кивала.

Дан поднялся и пошёл к выходу. Проходя мимо её парты, он замедлил шаг. На секунду их глаза снова встретились. Ася смотрела на него — всё с тем же непонятным узнаванием.

— Смело, — сказал он негромко.

Она чуть приподняла бровь:

— Что?

— То, что ты ей ответила. Смело.

— Это не смелость. Это самозащита.

— Одно и то же, когда ты в меньшинстве.

Она помолчала. Потом уголок её губ дрогнул — не улыбка, скорее намёк на неё.

— Ты говоришь так, будто знаешь, каково это.

Дан не ответил. Он смотрел на неё — и чувствовал, как под маской что-то трещит. Крошечная, тонкая трещина в идеально отлаженном механизме.

— Может, знаю, — сказал он наконец.

И вышел из класса.

В коридоре его ждал Кир. Он стоял, прислонившись к стене, и ухмылялся.

— Ну что, капитан, кажется, твоя девушка нашла себе врага.

— Лера не моя девушка.

— О-о-о. — Кир театрально поднял брови. — Вот как. Новости. И с каких это пор?

Дан не ответил. Он смотрел на дверь класса, за которой осталась Ася, и в голове крутился один-единственный образ: тень за бетонной стеной, ночной ритм и тишина, которая слушала его музыку три месяца.

Ты кто такая, Соболева?

Глава 4. Первая кровь

Ася.

После урока Ася думала, что самое страшное — это слова.

Она ошибалась. Слова были только началом.

Звонок с урока истории прозвенел, как сигнал к старту. Ася вышла из класса на ватных ногах, чувствуя спиной жгучий взгляд Леры. Та не сказала больше ни слова — просто вылетела в коридор, оставив за собой шлейф дорогих духов и невысказанной угрозы. Но Ася знала: это не конец. Это даже не начало конца. Это затишье.

— Ты с ума сошла? — Мира догнала её у лестницы. Глаза у неё горели — смесь ужаса и восторга. — Ты только что объявила войну самой популярной девушке школы. При всём классе. Ты понимаешь, что теперь будет?

— Она первая начала, — сказала Ася.

— Да, но есть правило: Лера начинает — Лера заканчивает. А ты перебила её на середине. Такого не прощают.

— Что она мне сделает? Вызовет на дуэль?

Мира хмыкнула, но веселья в этом хмыке не было.

— Хуже. Она сделает так, что тебя здесь сожрут по кусочку, а ты даже не поймёшь, кто именно откусил первый.

Они спускались по лестнице, и Ася чувствовала на себе взгляды. Не те, что были утром — оценивающие, равнодушные. Теперь в них появился интерес. Опасный интерес, какой бывает у прохожих, которые замедляют шаг у места аварии. Она стала событием. Новенькая, которая дала отпор. Это либо возносило на пьедестал, либо делало мишенью.

Ася знала, что пьедестала ей не видать.

В столовой было людно и шумно. Ася взяла поднос, машинально выбрала что-то из еды — кажется, суп и кусок хлеба — и оглянулась в поисках свободного стола. Мира тянула её в дальний угол, подальше от эпицентра, где за большим овальным столом уже восседала Лера.

— Сюда, — скомандовала Мира. — У нас тут резервация для ботаников.

— А это безопасно?

— Относительно. Сюда долетают только словесные снаряды, не физические.

Они сели. Ася попыталась есть, но суп был безвкусным, а хлеб застревал в горле. Она смотрела в тарелку и уговаривала себя не поднимать голову. Если не смотреть на них, может, они не заметят. Может, пронесёт.

Не пронесло.

— О, смотрите! — голос Леры разрезал шум столовой, как скальпель. — Наша новенькая. Та самая, которая у нас эксперт по революциям.

Ася подняла глаза. Лера стояла у своего стола, опершись на спинку стула, и говорила достаточно громко, чтобы её слышала половина зала.

— Девочки, — продолжала она, обращаясь к свите, — вы знали, что Анастасия Соболева перевелась к нам по специальной программе? Для особенных детей.

— В смысле? — подала голос одна из Теней, явно по сценарию.

— В смысле — с отклонениями. У неё справка. Психиатр, невролог, что там ещё... Мамочка, наверное, еле выбила. Бедняжка.

По столовой прокатилась волна смешков. Ася почувствовала, как лицо заливают жаром. Пальцы, сжимавшие ложку, онемели.

— Лера, отстань, — негромко сказала Мира. — Это не смешно.

— Ой, Мирослава, ты всё ещё с ней? Я думала, ты умнее. Или тебе просто нравится коллекционировать неудачников?

— А тебе нравится быть стервой на публику? У тебя это отлично получается.

Смех стал тише. Кто-то из дальних столов повернулся — начиналось шоу. Ася чувствовала, как воздух в столовой сгущается. Так бывает перед грозой — сначала тишина, потом вспышка.

Лера медленно подошла к их столу. Каблуки цокали по плитке — ритмично, как метроном. Она остановилась напротив Аси, упёрлась ладонями в край стола и наклонилась так, что их лица оказались совсем близко.

— Слушай сюда, Соболева, — голос стал тише, но от этого только опаснее. — Ты думаешь, раз ты мне ответила разок, ты теперь крутая? Ты никто. Ты пустое место. И я сделаю так, что ты пожалеешь о каждом слове.

— Зачем тебе это? — спросила Ася, и собственный голос показался ей чужим — слишком ровным, слишком спокойным. — Ты меня даже не знаешь.

— А зачем мне тебя знать? Ты просто грязь на моём полу.

Лера выпрямилась, оглянулась на зал — убедиться, что аудитория смотрит — и лёгким движением опрокинула поднос Аси. Суп полетел на колени, хлеб упал на пол, ложка звякнула

о плитку. По столовой пронёсся смех — громче, смелее, с явным облегчением: хищница показала зубы, иерархия восстановлена, можно расслабиться.

Ася сидела неподвижно. Горячий суп пропитывал джинсы, но она почти не чувствовала. Она чувствовала другое — знакомую пустоту внутри, которая открывалась в такие моменты. В прошлой школе это называлось «отключка». Учителя думали, что она задумывается. Врачи говорили — защитная реакция. Ася называла это «режим ноль». Когда боль становится невыносимой, ты просто перестаёшь её чувствовать. Ты выходишь из тела, оставляя его разбираться с реальностью самостоятельно.

— Эй! — голос Миры прорвался сквозь вату. — Лера, ты переходишь границы!

— Границы? — Лера засмеялась. — Мирослава, границы для тех, у кого есть территория. А у вас её нет.

Она развернулась и пошла обратно к своему столу — победительница. Свита расступилась, принимая её, как королеву в тронный зал. Кто-то из парней хлопнул Лере, кто-то присвистнул. Остальные просто смотрели — с облегчением, что мишенью стала не она, не он, а кто-то другой.

Мира достала салфетки и принялась промокать Асины джинсы.

— Не смей плакать, — зашептала она. — Слышишь? Не смей. Если заплачешь — они победили.

— Я не плачу, — сказала Ася.

И это было правдой. Глаза были сухими. Внутри была пустота. Огромная, белая, звенящая, как выключенный телевизор.

— Вот и правильно. Давай встанем и уйдём. Спокойно, медленно, как будто нам плевать.

— Мне плевать.

— Вот и отлично. Пошли.

Они встали. Ася нагнулась, подняла ложку и положила на пустой поднос. Руки не дрожали. Ноги слушались. Она прошла через всю столовую, чувствуя спиной десятки глаз, и ни разу не обернулась.

У самого выхода она вдруг столкнулась взглядом с Даном.

Он сидел за дальним столом — с командой, с Пашей и остальными. Перед ним стоял нетронутый обед. Он смотрел на неё. Не так, как другие — не с любопытством, не с насмешкой. С чем-то другим. С узнаванием.

Он знает, — подумала Ася. — Он знает, каково это.

Она отвела взгляд первой.

После уроков Мира вызвалась проводить Асю до дома.

— Не надо, — сказала Ася. — Я сама. Мне полезно побыть одной.

— Полезно? После того, что было?

— Именно после того, что было.

Мира помялась, явно не желая оставлять новую подругу одну, но в конце концов сдалась.

— Ладно. Но если что — звони. Я серьёзно. У меня телефон всегда включён. И я живу в двух остановках.

— Спасибо, Мира.

— За что?

— За то, что ты единственная, кто сел со мной.

Мира улыбнулась — тепло, без всякой театральщины.

— Эй. Ботаны должны держаться вместе. Иначе хищники нас сожрут.

Она махнула рукой и скрылась за поворотом. Ася осталась одна на школьном крыльце.

День клонился к вечеру. Солнце уже цеплялось за крыши пятиэтажек, и длинные тени перечёркивали двор. Ася глубоко вдохнула холодный осенний воздух и медленно пошла в сторону дома.

Дом. Какая ирония. Она не чувствовала себя дома нигде — ни в старой квартире, ни в новой. Там были мама с её бесконечными звонками, папа с его вечным «не подписывай ничего без меня», коробки, которые она так и не разобрала, и тишина, которая была хуже крика.

Но где-то за этими домами, за ржавыми гаражами, была другая тишина. Та, в которой рождалась музыка.

Ася не заметила, как ноги сами свернули не к подъезду, а в сторону гаражного кооператива. Она просто шла — и вдруг оказалась там. Знакомая бетонная коробка, железная дверь с облупившейся краской, мутное окошко под потолком. Гараж номер четырнадцать.

Она не знала, кто там играет. Не знала, придут ли они сегодня. Но ей нужно было услышать этот ритм снова. Он был единственным, что заглушало голос Леры в голове. Единственным, что возвращало её в тело из режима «ноль».

Ася села на старый ящик у стены, обхватила колени руками и стала ждать.

Они пришли через час.

Сначала появился Кир — в своей косухе, с бас-гитарой в чехле за спиной. Он заметил Асю издалека и замер.

— О. Тень.

— Меня зовут Ася.

— Я знаю. Соболева. Ты сегодня устроила шоу в столовой.

— Это Лера устроила шоу. Я просто сидела.

Кир хмыкнул и присел на корточки рядом.

— Знаешь, что я понял за три года в этой школе? Лера никогда не нападает просто так. Ей нужна причина. Иногда причина — это просто твоё существование.

— Я заметила.

— И ты всё равно здесь сидишь. Ждёшь кого-то?

— Я жду музыку.

Кир прищурился. Его глаза — тёмные, с вечной искоркой сарказма — вдруг стали серьёзными.

— Ты та, кто слушает за стеной? Три месяца?

Ася кивнула.

Кир присвистнул.

— А Дан знает?

— Не уверена.

— Так. Это интересно. — Он помолчал, явно что-то прикидывая. — Ладно, Соболева. Раз уж ты здесь, давай знакомиться по-настоящему.

Он протянул руку — худую, с обгрызенными ногтями и парой серебряных колец:

— Кир. Басист, автор текстов, главный изгой и по совместительству голос разума в этом бардаке. Будем дружить?

Ася посмотрела на его руку. Потом на его лицо — колючее, насмешливое, но без намёка на фальшь. И пожала.

— Ася. Художница, новенькая и, кажется, главная мишень твоей одноклассницы.

— Принято. — Кир легко поднялся. — Тогда слушай, художница. Раз ты всё равно здесь, заходи внутрь. Хватит мёрзнуть за стеной. Сегодня у нас новая песня. Будешь первым слушателем.

— А Дан? Он не будет против?

— Дан? — Кир усмехнулся. — Дан будет в бешенстве. Но это его вечное состояние. Пошли.

Он открыл железную дверь, и Ася впервые переступила порог гаража номер четырнадцать.

Внутри пахло бензином, старой кожей и чем-то металлическим. Стены были завешаны яичными лотками — для звукоизоляции, догадалась Ася. В углу громоздилась барабанная установка — потёртая, с облупившейся эмблемой, но собранная с любовью. У стены стояли усилители, опутанные проводами. На полу — ковёр, протёртый до дыр. Единственная лампочка под потолком давала тусклый жёлтый свет.

И здесь было прекрасно.

— Располагайся, — Кир кивнул на старый диван у стены. — Сейчас подтянется наш великий и ужасный.

Ася села, оглядываясь. На стене, над барабанами, висел лист ватмана с наброском логотипа группы — стилизованные буквы «НС», перечёркнутые молнией.

— «Нервный срыв»? — прочитала она вслух.

— Ага. Дан придумал. Говорит, это его естественное состояние.

Дверь гаража лязгнула, и внутрь вошёл Дан.

Он был в той же толстовке, что и в школе, но теперь она была мятой, а волосы взъерошены, как будто он долго тёр лицо ладонями. В руке — рюкзак с палочками. Он шагнул в круг света и замер, увидев Асю.

— Какого чёрта?

— Привет, дорогой, — Кир театрально поклонился. — У нас гостя. Познакомься: Ася Соболева, она же Тень-за-стеной. Оказывается, мы с ней сегодня учились в одной школе. Мир тесен.

Дан молчал. Он смотрел на Асю, и она видела, как в его глазах борются эмоции — удивление, злость, недоверие и что-то ещё, чему она пока не могла подобрать имя.

— Ты? — сказал он наконец. — Ты три месяца сидела там?

— Да.

— Зачем?

— Музыка.

— Что «музыка»?

— Ваша музыка. Она... — Ася замялась, подбирая слова. — Она заглушает то, что я не хочу слышать.

Дан шагнул ближе. Теперь он стоял прямо перед ней — высокий, напряжённый, сжимающий рюкзак так, что побелели костяшки.

— Что ты знаешь?

— Ничего. Я только слышала.

— Этого достаточно. — Он обернулся к Киру: — Ты зачем её пустил?

— Потому что она наша, Дэн. — Кир пожал плечами. — Она слушала нас три месяца. Она не сдала нас школе. И Лера сегодня пыталась её сожрать. По-моему, это автоматически делает её частью племени.

— Мы не племя.

— Мы группа. А группа — это те, кто слышат друг друга. — Кир выразительно посмотрел на Дана. — Ты сам говорил.

Повисла пауза. Дан смотрел на Асю. Она выдержала его взгляд — не опуская головы, не прячась за чёлку.

— Ты умеешь рисовать, — сказал он наконец. — Тот рисунок. В скетчбуке. Это ты меня нарисовала?

— Я нарисовала звук. Ты был частью звука.

— Покажи.

— Зачем?

— Хочу увидеть.

Ася помедлила. Потом достала из рюкзака скетчбук, пролистала до нужной страницы и протянула Дану. Он взял альбом — осторожно, как хрупкую вещь, и долго смотрел на рисунок.

На листе был парень за барабанами. Лица не было — только силуэт. Но в этом силуэте, в каждом штрихе, в каждой тёмной линии было столько боли и ярости, что Дан на секунду перестал дышать.

— Это я? — тихо спросил он.

— Да.

— Но ты не знала, как я выгляжу.

— Я знала, как ты звучишь. Этого хватило.

Дан медленно закрыл скетчбук и вернул ей.

— Ты странная, Соболева.

— Я знаю.

— Это не комплимент.

— Я знаю.

Он вдруг усмехнулся — коротко, одними уголками губ, но это была настоящая усмешка, не маска.

— Ладно. Раз Кир тебя впустил — сиди. Только не мешай.

— Не буду.

Дан скинул толстовку, оставшись в футболке, и сел за барабаны. Кир взял бас-гитару. Они обменялись взглядами — без слов, по давней привычке — и начали играть.

Это была новая песня.

Она начиналась медленно — глухой пульс бочки, низкий гул баса, будто сердце огромного зверя просыпается под землёй. Потом ритм ускорился, бас взорвался режущим риффом, и Кир запел — хрипло, зло, выкрикивая слова так, будто они жгли ему горло:

«Смотри на меня — я то, что ты создал,
Твой страх и твой флаг, твой камень и сталь,
Ты думал, я сдамся, ты думал, я — ноль,
Но я тишина, что рождает огонь...»

Ася слушала — и рисовала. Рука двигалась сама. На бумаге рождались линии — острые, рваные, как музыка. Тёмно-красные барабаны, синий бас, а между ними — свет. Тонкий, белый, как лазерный луч. Он пробивался сквозь тьму, и Ася не знала, откуда он взялся, но знала, что это важно.

Когда песня закончилась, в гараже повисла тишина — густая, звенящая.

Кир отдышался, вытер пот со лба:

— Ну как?

— Второй куплет провисает, — сказала Ася, не поднимая головы от рисунка.

Кир поперхнулся.

— Что?

— Второй куплет. Ты теряешь ритм на слове «сломай меня». Там нужно либо два слога убрать, либо барабаны раньше вступают.

Кир уставился на неё. Потом на Дана.

— Дэн. Она разбирается в музыке.

— Я слышу, — Дан смотрел на Асю поверх барабанов. В его глазах было что-то новое — не просто любопытство. Уважение.

— Откуда? — спросил Кир.

— Не знаю. Я просто слышу.

— Ты «просто слышишь» и говоришь мне, как писать тексты? Знаешь, что? Ты принята.

— Во что?

— В группу. Будешь нашим звукорежиссёром. Или редактором. Или кем захочешь. — Кир повернулся к Дану: — Ты против?

Дан помолчал. Потом покрутил барабанную палочку в пальцах и сказал:

— Пусть остаётся.

Три слова. Но для Аси они значили больше, чем всё, что ей говорили за последний год.

Она осталась в гараже до позднего вечера. Они репетировали ещё два часа, потом пили чай из термоса Кира, и Ася впервые за долгое время чувствовала себя не лишней, не чужой, не Молю. Она была частью чего-то.

А когда она наконец ушла, Дан долго смотрел на закрытую дверь.

— Что? — спросил Кир.

— Ничего.

— Врёшь.

— Она странная.

— Ты уже говорил.

— Она видит меня.

Кир оставил термос и посмотрел на друга — без обычной насмешки, серьёзно.

— Может, потому что ты наконец появился?

Дан ничего не ответил. Он взял палочки и начал выбивать дробь — тихую, задумчивую.

Ритм, похожий на сердцебиение.

Глава 5. Трещины

Дан.

Гараж опустел только к полуночи.

Кир ушёл первым — ему нужно было успеть на последний автобус до бабушкиного района. Он закинул бас-гитару в чехол, натянул косуху и, уже стоя в дверях, обернулся.

— Она классная.

— Кто? — Дан сделал вид, что не понял, хотя прекрасно понял.

— Соболева. Не притворяйся. Ты на неё смотрел всю репетицию.

— Я смотрел на ноты.

— У тебя нет нот. Ты играешь на слух, как дикий зверь. — Кир хмыкнул. — Но я не осуждаю. Она реально классная. Странная, но классная.

— Ты повторяешься.

— Потому что это важно. — Кир стал серьёзным. — Дэн, я тебя сто лет знаю. Ты никого к себе не подпускаешь. Кроме меня, да и то потому что я силой вломился. А она — она просто села и стала слушать. И ты дал ей остаться. Это о чём-то говорит.

Дан промолчал, вытирая барабанные палочки тряпкой. Кир постоял ещё секунду, потом махнул рукой и вышел в ночь.

Дверь лязгнула. Тишина.

Дан остался один.

Он не спешил уходить. Сидел на краю сцены, крутил палочку в пальцах и смотрел на диван, где час назад сидела Ася. Она оставила после себя странное ощущение — как будто воздух в гараже стал плотнее, заряженнее. Или, может, дело было не в воздухе. Может, дело было в нём.

Она видит меня.

Он сам это сказал Киру. И сам не понял, почему. Просто в какой-то момент, когда она смотрела на него поверх своего скетчбука, ему показалось, что маска стала прозрачной. Что она видит не капитана, не звезду, не парня Леры. А того, кто прячется за барабанами.

Это было страшно.

И одновременно — странно облегчающе. Как будто он нёс что-то тяжёлое много лет, а кто-то вдруг сказал: «Дай, я помогу».

Дан тряхнул головой, отгоняя мысли. Он устал. За день случилось слишком много: Лера в столовой, новенькая в гараже, Кир со своей философией. И ещё отец. Отец, который ждал его дома.

Он закрыл гараж, проверил замок и пошёл через тёмный двор. Фонари горели через один, и длинные тени плясали на асфальте. Где-то далеко лаяла собака. Где-то ещё дальше гремела поздняя электричка.

Дом встретил его запахом перегара.

Отец сидел на кухне. На столе — початая бутылка, полная пепельница, разложенные бумаги. Когда Дан вошёл, отец поднял голову — и сын увидел то, чего боялся: мутный, тяжёлый взгляд. Пьяный отец был хуже трезвого. Трезвый орал. Пьяный — начинал медленно, методично, как палач, зачитывающий приговор.

— Явился. — Голос звучал ровно, почти спокойно. Именно это спокойствие пугало больше всего. — Который час?

— Половина двенадцатого.

— Тренировка до полуночи. Интересно. И где же ты тренировался?

— В зале. Задержался.

— Врёшь.

Дан молчал. Он стоял в дверях кухни, не проходя внутрь. Мать, кажется, уже спала — или делала вид, что спит. В такие вечера она всегда «ложилась пораньше».

— Я звонил тренеру, — сказал отец. — Зал закрылся в девять. Где ты был три часа?

Тишина. Дан чувствовал, как внутри всё сжимается. Можно было соврать — сказать, что гулял с Лерой, что засиделся у друга, что угодно. Но ложь требовала энергии, а её не осталось. Она вся ушла на музыку, на барабаны, на то, чтобы не думать о том, как Ася смотрела на него.

— Я играл.

— Что?

— На барабанах.

Отец медленно поднялся. Стул скрипнул по линолеуму. Он был крупным мужчиной — в молодости борец, сейчас автомеханик с руками-куваладами. Когда он вставал, кухня становилась меньше.

— Повтори.

— Я играл на барабанах. В гараже. С другом.

Пауза. Отец смотрел на него — и Дан видел, как медленно, страшно меняется его лицо. Сначала неверие. Потом — ярость. Та самая, которая заставляла его швыряться стульями.

— Барабаны. — Он произнёс это слово как ругательство. — Ты, значит, пока я горбачусь в сервисе, чтобы оплатить твою секцию, ты lupишь по барабанам? Как девчонка?

— Это не...

— Молчать!

Кулак обрушился на стол. Бутылка подпрыгнула, пепельница опрокинулась, окурки рассыпались по бумагам. Дан не вздрогнул. Он привык. За восемнадцать лет он научился не вздрагивать. Но внутри каждый такой удар отдавался эхом где-то в солнечном сплетении.

— Я тебе что говорил? — Отец надвигался. — Музыка — для слабаков. Для тех, кто не может держать мяч. Для тех, у кого нет стержня. Ты мужик или кто?

— Мужик, — автоматически ответил Дан.

— Не слышу!

— Мужик!

— То-то же. — Отец остановился в полушаге. Дышал тяжело, перегаром. — Завтра скажешь своему дружку, что ты больше не играешь. И чтоб я больше не слышал про барабаны. Понял?

Дан молчал.

— Понял?!

— Да.

Отец кивнул, будто поставил печать, и вернулся к столу. Налил ещё. Дан стоял и смотрел, как он пьёт — жадно, запрокидывая голову.

— Иди спать, — бросил отец через плечо. — Завтра тренировка. И не опаздывать.

Дан вышел. В коридоре прислонился к стене и закрыл глаза.

Завтра скажешь, что больше не играешь.

Он представил лицо Кира. Представил гараж — тёмный, пустой. Представил барабаны, покрывающиеся пылью. Представил Асю, которая придёт слушать — и услышит тишину.

Внутри что-то оборвалось.

Он прошёл в свою комнату, закрыл дверь и сел на кровать. В углу стояла сумка с формой. На стене — плакат с автографами игроков. На полке — кубки за соревнования. Всё это была не его жизнь. Это была жизнь, которую построил отец. Дан был в ней актёром, статистом, марионеткой.

Единственное, что принадлежало ему по-настоящему, лежало в гараже. Барабанные палочки. Потёртые, с облупившимся лаком. Он достал их из рюкзака и положил на колени.

Он не мог бросить музыку. Не мог. Это было единственное, ради чего он дышал.

Но он не мог и послушаться отца. Потому что послушаться означало — крик, драка, мать, которая будет плакать в ванной, и, возможно, что-то худшее. То, о чём он не позволял себе думать.

Дан сжал палочки в кулаке — до боли, до хруста.

Я что-нибудь придумаю. Я должен.

Утро началось с сообщения от Леры.

«Дань, привет! Нам надо поговорить. Давай встретимся перед уроками, у спортзала. Это важно »

Дан прочитал сообщение, лёжа в кровати, и почувствовал, как внутри всё сжимается. Разговор с Лерой — это всегда минное поле. Никогда не знаешь, где рванёт.

Он встал, оделся, выпил кофе (мать опять забыла соль, но он не сказал), проверил рюкзак. Палочки взял с собой. Просто чтобы чувствовать их вес. Как талисман.

У школы его уже ждала Лера.

Она стояла у входа в спортзал, скрестив руки на груди. Сегодня она была в облегающем платье цвета марсала и с идеальной укладкой. Но выражение лица портило картину: губы поджаты, брови сведены, глаза мечут молнии.

— Привет, — сказал Дан, подходя.

— Привет? — голос у Леры был ледяной. — Я тебе полдня вчера писала. Ты не отвечал.

— Я был занят.

— Чем? Скажи мне — чем?

— Делами.

Лера шагнула ближе. От неё пахло дорогими духами, но сейчас этот запах казался резким, химическим.

— Дан, я не дура. Ты где-то пропадаешь вечерами. Ты отстранённый. Мы почти не разговариваем. А вчера я видела, как ты на неё смотрел.

Внутри похолодело.

— На кого?

— На эту новенькую. Соболеву. Ты думаешь, я не заметила? Ты смотрел на неё в столовой. И на уроке. И в коридоре.

Дан выдохнул. Медленно. Контролируя каждую мышцу лица.

— Лера, ты придумываешь.

— Я не придумываю! — Её голос стал выше. — Она странная, Дан. Про неё ходят слухи. Говорят, у неё справка. Что она лежала в больнице. Что у неё проблемы с головой. Ты что, хочешь с ней связаться?

— Я ни с кем не собираюсь «связываться». Я с тобой.

Это было правдой — технически. Он был с ней. Но внутри при этих словах возникла пустота. Раньше, когда он говорил «я с тобой», это звучало как данность. Теперь — как приговор.

— Тогда почему ты меня избегаешь? — Лера вдруг сменила тон. Из ледяного он стал почти жалобным. — Дань, я же для тебя всё делаю. Я договорилась про фестиваль. Я хочу, чтобы ты выступил. Чтобы все увидели, какой ты талантливый. Я хочу быть рядом с тобой на сцене.

— Я не просил тебя договариваться.

— Но я же хотела как лучше!

— Лера. — Он взял её за плечи — осторожно, как берут хрупкую вещь. — Ты не можешь решать за меня. Фестиваль, выступление — это моё. Моё и группы. Понимаешь?

В её глазах что-то дрогнуло. На секунду Дан увидел там не стерву, не манипулятора, а девушку, которая правда боялась его потерять. Но это длилось лишь миг. Потом стена вернулась.

— Хорошо, — сказала она ровно. — Пусть будет по-твоему. Но запомни: я тебя предупредила насчёт Соболевой. Она тебе не пара. Она вообще никому не пара. Она грязь.

Она резко развернулась и ушла, цокая каблуками по плитке. Дан остался стоять у спортзала. В висках стучало.

Она тебе не пара.

Дело было не в том, пара она или нет. Дело было в том, что Ася Соболева за один вечер сделала то, чего Лера не смогла за полтора года. Она его увидела. Настоящего. Без прикрас. И от этого не убежала.

А может, всё было проще: она просто рисовала звук. А он напридумывал себе то, чего нет.

На большой перемене Дан пошёл в столовую.

Он не хотел есть. Он хотел увидеть её.

Это было глупо. Опасно. Лера наверняка следила. Команда ждала его за их обычным столом. Но ноги сами несли его через зал, пока он не заметил знакомую фигуру у окна.

Ася сидела одна. Миры рядом не было — кажется, у неё была олимпиада по литературе. Перед Асей стоял поднос с нетронутой едой. Она рисовала.

Дан подошёл.

— Можно?

Она подняла голову, и в её глазах мелькнуло удивление. Потом — настороженность.

— Ты уверен? Твоя девушка будет в ярости.

— Она не моя девушка.

— Ей об этом скажи.

Дан усмехнулся и сел напротив. По столовой прокатилась волна — кто-то зашептался, кто-то устался. Он кожей чувствовал взгляды. Капитан сел с изгоем. Это было нарушением всех неписаных правил.

— Что рисуешь? — спросил он.

— Ничего особенного.

— Покажи.

Ася помедлила, потом повернула скетчбук к нему. На листе был вечерний город — крыши, провода, фонари. И в центре — гараж. Их гараж. Из приоткрытой двери вырывался свет, а от света — линии, похожие на звуковые волны.

— Ты нарисовала наш гараж, — сказал Дан.

— Я рисую то, что слышу. Или слышала.

— Ты больше не придёшь слушать?

— Я не знаю. Ты был не очень рад меня видеть.

Дан помолчал. Потом сказал то, чего сам от себя не ожидал:

— Приходи. Сегодня. В восемь.

Ася посмотрела на него — внимательно, будто пытаясь понять, шутит ли он.

— А Кир будет?

— Будет. И Кир, и я. И новая песня. Кир дописал второй куплет с учётом твоих правок.

— Правда?

— Он сказал: «Если эта девчонка ещё раз меня раскритикует, я на ней женюсь». Так что не опаздывай.

Ася улыбнулась. Впервые — по-настоящему, не уголком губ, а всей собой. И от этой улыбки у Дана внутри что-то перевернулось.

Он быстро встал.

— Мне пора. Команда ждёт.

— Конечно. Иди.

Он отошёл на пару шагов — и обернулся.

— Соболева.

— Что?

— Тот рисунок. Который ты мне показывала. В гараже. Где я за барабанами. Можно я его заберу? Когда ты закончишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.